

В закрытом пространстве, в котором не существовало привычного понятия времени, на ветке дерева, разглядывая красоты неприлично огромного, пышного Леса, сидел мальчик. На вид ему было не больше семи-восьми лет, с заросшими золотистыми волосами и яркими, голубыми глазами. Он бы мало чем отличался от простого ребёнка, если бы не торчавшие из-под волос длинные заострённые уши.

Не трудно было догадаться к какой расе он принадлежал.

Любой человек, оказавшись в месте, где жил Нориэль, восхищался бы окружающими красотами, и сам мальчик какое-то время не был исключением, являясь прямым продолжением природы, но в какой-то момент он кое-что понял. Важное, такое простое и вместе с этим сложное. Пугающее.

— Какая же скукота...

Лес был однообразным. В нём не было ни времён года, ни даже ночи. Статичный, неизменный, постоянный, — он буквально воплощал собой порядок, в котором не происходило ничего интересного или сколь-либо занимательного. Как для Нориэля, видевшего один и тот же пейзаж сотни и тысячи раз, так точно.

Первое время Нориэль не осознавал концепции скуки. Маленький эльф понятия не имел, что чувствовал, и поэтому искал помощи. В странном Лесу жил не только он: у мальчика были сородичи. Такие же, как он, но отказавшиеся от формы духа природы... немного раньше. Сородичи Нориэля не понимали метаний самого младшего жителя Леса, и поэтому не могли помочь. Они в принципе не спешили что-либо делать, наслаждаясь собственной вечностью.

Лишь один эльф мог как-то помочь, но утомлять сородича лишний раз мальчишка не хотел.

Нориэль не мог сказать, в какой момент понял, что отличается от себе подобных. Возможно, ещё в бытности духа природы, когда он впервые увидел образы далёких каменных джунглей, в которых жили миллионы самых разных живых существ, или когда он, устав от нематериальной формы существования, поселился в ростке дерева, на собственной шку... коре прочувствовав, каково это — просто наблюдать. Не иметь возможности что-либо сделать, оставаться на одном месте, несмотря ни на что.

Маленький эльф поморщился, вспомнив, как в нём селились какие-нибудь наглые белки (не говоря уже про насекомых и личинок!). Или как на нём свили гнездо птицы. Правда, подобный симбиоз Нориэлю, несмотря на некоторые неудобства, даже нравился: они защищали его от разных мелких вредителей, а их пение разбавляло скуку. К сожалению, они слишком часто умирали.

Ну, то есть, до обидного часто.

Впрочем, любой, кто жил в Лесу, мог понять своего младшего сородича. Этот период умалчивают все жители Леса.

Другое дело, что для Нориэля перенести процесс материального воплощения было особенно сложно.

— Скучно...

В лицо мальчика ударил поток ветра. Державшая его ветка чуть наклонилась, из-за чего ребёнок едва не упал с дерева, немного взбодрив его. К счастью, баланс тела он умел держать

просто прекрасно.

— Да-да, вам намного хуже... — пробурчал маленький эльф, протяжно вздохнув. — Уже и пожаловаться нельзя...

Вокруг него незримо летали духи. Их было много, по-настоящему много. Намного больше, чем вокруг любого жителя Леса. Даже Старейшины!

Потянувшись, Нориэль ловко спустился с дерева. Со стороны можно было увидеть, как каждая ветка, как каждая травинка и кустик на земле подрагивали, как странно дул ветер вокруг ребёнка, словно страхуя его.

Духи действительно любили Нориэля. Как, впрочем, и любого другого эльфа, но его — особенно. Они чувствовали, что он отличался от себе подобных; чувствовали, что он разделяет их скуку. Самым же главным было то, что...

Он может помочь её скрасить.

— Так-так... — прищурился Нориэль, его длинные уши наострились. — Чем бы ещё заняться?..

В лицо ударил очередной поток ветра, листья деревьев затрепетали. Казалось, где-то далеко, буквально со всех сторон, слышалось звонкое хихиканье.

Нориэль ненадолго задумался. Его одолели сомнения, которые он, впрочем, быстро поборол.

Давно пора!

На лицо вылезла шkodливая улыбка.

Лес был огромным, монументальным. Он отличался от большинства лесов, что видел мальчик в своих образах в бытности духом. Деревья были в высоту в сотню метров и больше, сами деревья были пышными, зелёными, столь древними, будто существовали с момента сотворения мира.

И, судя по всему, это утверждение было недалёким от правды.

Случайный человек, попади в Лес, точно бы в нём заблудился: он был каким угодно, но никак не обычным. Живым. Тропы Леса жили своей жизнью, само пространство населяли дивные магические существа, будь то маленькие, вечно чем-то занятые феи, пегасы или энты.

К счастью, ни один из эльфов никогда не терялся в Лесу. Дело было не только в том, что следовавшие за отказавшимися от нематериального воплощения духи помогали своим братьям, но и в том, что каждый житель Леса его буквально чувствовал.

Нориэль всегда знал, по какой тропе идти; Нориэль подсознательно понимал, какие животные были к нему настроены лучше, а какие — хуже, не говоря о том, что эти же животные к сородичам мальчика относились хорошо практически всегда. Будто этого мало, следовавшие по пятам духи всегда подсказывали мальчику, если Лес пытался над ним пошутить и загнать в очередную аномалию, из-за чего он так ни разу в ней и не оказался.

И даже если бы оказался — Нориэль всегда смог бы найти выход. Потому что он часть Леса и природы, пусть и грезившая совсем о другом.

Меняющаяся тропа не была длинной. Нориэль знал, куда идти, и тропа подстраивалась под его желания, позволяя не наткнуться на сколь-либо ощутимые препятствия. Ветер толкал его

вперёд, придавая скорости; все встречные ветки, словно по-волшебству, огибали его.

Совсем не удивительно, что уже совсем скоро он оказался в нужном месте.

Ещё на полпути до чутких длинных ушей мальчика дошла прекрасная, волшебная игра на арфе. Вскоре перед глазами открылась поляна, прямо в центре которой на траве сидел длинноволосый блондин — другой эльф, сородич Нориэля. Он во многом был похож на Нориэля, пусть черты лица и неуловимо отличались. В остальном же — можно было бы подумать, что они были близкими родственниками.

На вид сородичу Нориэля можно было дать не больше двадцати с чем-то лет, и то — с натяжкой. На поляне молодого мужчину окружали различные животные и духи, с замиранием сердца (или что там у них) слушая его мелодию. Маленький эльф, даже будучи во многом невежественным ребёнком (пусть и слегка более зрелым в силу... некоторых причин), понимал, почему игру его сородича настолько любили. Она несла в себе настоящую магию, была настолько прекрасной, что её хотелось слушать вечно...

Нориэль почувствовал, как у него зачесался нос.

На самом деле, нет.

Вот вообще нет.

Абсолютно точно совершенно нет.

Ложь.

— И как старшему это ещё не надоело... — пробормотал непонимающе Нориэль.

Он не спешил идти к сородичу, вместо этого притаившись среди кустов. Слушать одну и ту же игру на арфе было весело только первое... время. Постепенно ребёнку одна и та же игра, словно поставленная на плёнку, наскучила. Ещё же через неопределённый промежуток вечности — начала раздражать.

Животные вокруг сородича приходили и уходили поколениями, а он всё продолжал и продолжал играть одну и ту же мелодию, не чувствуя от этого никакого дискомфорта. Никто не чувствовал, кроме Нориэля и духов вокруг него.

Правда, ребёнок подозревал, что они просто жаждали хлеба и зрелищ.

Самое же печальное, что у сородича Нориэля были поддерживающие его духи, разносившие его мелодию на чуть ли не половину леса. И опять же — смущало это только Нориэля! Духи же, чувствуя метания близкого по... духу существа, сопереживали ему.

Мальчик обратил свой взор на присевшую недалеко от него птичку, после чего попросил духов позвать её. Слабый поток ветра тут же чуть не сбросил удивлённое существо головой вниз, но добиться своего получилось: она практически сразу устремила свой взор на притаившегося в кустах маленького эльфа, подлетев к нему на плечо.

Птичка уже думала открыть клюв, как Нориэль её поспешно остановил.

— Ты можешь привлечь его внимание!

Птичка наклонила голову.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала. Поможешь? — Нориэль запнулся, после чего поспешно, тихо добавил: — П-пожалуйста!

Птичка легко согласилась. Жители Леса любили сородичей Нориэля, и сам мальчик исключением не был. В какой-то степени, даже жители Леса, не духи, чувствовали к ребёнку некий фаворитизм.

После того, как птичка была взята в оборот, Нориэль, обладая, по меркам простых и не очень людей, удивительным терпением, принялся, виляя меж кустов и деревьев, обходить всю поляну, не издавая ни единого лишнего звука. Он вёл себя словно профессиональный наёмник, обученный спецназовец на чрезвычайно важной миссии.

К счастью для ребёнка, игравший только Лесу ведомо сколько времени эльф мало обращал внимание на внешние раздражители. Про духов и говорить нечего: не учитывая то, что их разум, всё же, не достигал нужного порога, оставался ещё и фактор круживших вокруг самого Нориэля бесчисленных нематериальных существ, которые подельника прикрывали только так.

Мальчишка подползал к ленивым, наслаждающимся мелодией змеям. Подкрадывался к медведям и волкам. Обращался к феям и чуть ли не десантировался на пугливых пегасов, которых неожиданное появление мальчика, мягко скажем, пугало.

Уже достаточно скоро добрая половина поляны была «куплена» с потрохами. Достаточно было лишь попросить.

Наконец, настал час «Х».

— Пора! — довольно улыбнулся Нориэль.

И духи его полностью поддержали: ветер распространился вокруг всей поляны, информируя всех агентов о начале, возможно, самой масштабной операции в их коротких жизнях.

Прекрасную игру на арфе начали обрывать болезненные щебетания умирающих птиц, шипения начавших выползать из кустов агонизирующих змей, протяжные вои «раненных» волков и рыки бедных, находившихся на грани мучительной смерти медведей.

Сородич Нориэля чуть не подпрыгнул, широко распахнув глаза. Мелодия, впервые за долгий срок, оборвалась.

Как раз в этот момент на поляну начал выползать бледный Нориэль. Естественно, его старший тут же заметил мальчика.

— Росток! — воскликнул удивлённо мужчина.

— Дядя Флориэль... — прошептал едва слышно умирающий мальчишка. — Старший... Ваша мелодия... Мои уши... П-прекратите, я!.. Слышит Лес, она ужасающая...

Добрая половина всех существ на поляне взывала от бессильной боли, страха и отчаяния, начав (кто был на это способен, естественно) падать за мальчиком.

Нориэль, испустив последний вздох, драматично потерял сознание.

Духи вокруг мужчины были настолько шокированы происходящему, что одна струна на арфе лопнула.

Флориэль, выронив музыкальный инструмент, с которым он, кажется, практически сросся, широко открыл рот.

— Н-нориэль!!!

Как нетрудно догадаться, крик мужчины, как и его мелодия, разнёсся далеко за пределы поляны.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3159012>